1515

2 шк
р

„Пров 4

Московскаго Гр... ...
БИБЛІОТЕКА
Жандармскаго Управленія

РАБОЧІЙ ДЕНЬ

1896

„Пров 38“
„Пров 19“

Imprimerie russse, Chemin des Pitons № 9.

РАБОЧІЙ ДЕНЬ

Каждый изъ васъ знаетъ хорошо, что значитъ быть рабочимъ: это значитъ, прежде всего, трудиться, — и какъ трудиться! Много и тяжело. Портному-ли, сапожнику, слесарю, фабричному рабочему, — всѣмъ жизнь не легка. Вертѣть машину, сидѣть, согнувшись въ три погибели надъ верстакомъ, бить тяжелымъ молотомъ, строгать, — и все это не часъ, не день, не мѣсяцъ, и даже не годъ, — но всю жизнь. Да, печальна судьба рабочаго! Неудивительно, поэтому, что рабочіе постоянно жалуются на свою горькую участь. Но при этомъ они замѣчаютъ: намъ, правда, приходится тяжело, но что же дѣлать? Какъ горю-то помочь? Ѣсть-пить никакъ надо, вѣдь, а хлѣбъ-то заработать нужно: даромъ никто не дастъ; такъ какъ же намъ иначе устроиться?

Такимъ образомъ, постоянная забота о насущномъ кускѣ хлѣба отнимаетъ всякую возможность хорошенько обдумать да обсудить свое положеніе. Каждый рабочій отдѣльно мало помышляетъ о томъ, не можетъ-ли произойти какое либо облегченіе въ его трудовой жизни; и если не работать нельзя, то нельзя-ли устроить, чтобы работа эта была по силамъ и въ мѣру?

Да, въ мѣру! но, вѣдь, если мы уменьшимъ мѣру работы, то намъ жить будетъ нечѣмъ; поэтому, какую пользу принесетъ намъ меньшая мѣра работы, когда у насъ не будетъ той мѣры пищи и питья, какая намъ необходима? Нѣтъ, не это для насъ средство къ облегченію!

Но полно, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ, какъ каж

дый изъ насъ думаетъ? Попробуемъ-ка обсудить всѣ вмѣстѣ, такъ-ли это; будутъ-ли зарабатывать меньше, если, напр., вмѣсто 13-14 часовъ въ сутки станутъ работать лишь 12 часовъ?

Каждый изъ насъ знаетъ, что не всегда зарабатываемъ мы одинаково, что въ жизни рабочаго бываютъ всякія времена: и лучшія, и худшія, и совсѣмъ скверныя, и даже такія, когда вовсе нѣтъ работы. Когда хозяинъ нуждается въ рабочемъ, тогда рабочій получаетъ большую плату; наоборотъ, когда онъ въ немъ не нуждается, тогда рабочій набивается на работы, и хозяинъ, пользуясь его нуждой, понижаетъ плату.

Но спрашивается, когда хозяинъ нуждается въ рабочемъ? Тогда, когда у него много работы и когда у него притомъ очень мало свободныхъ рабочихъ. Напр., когда хозяинъ долженъ приготовить въ одинъ день извѣстную работу, которая должна занять, положимъ, 60 часовъ времени, и если у него въ мастерской или на фабрикѣ работаютъ, положимъ, 12 часовъ въ день, то эту работу исполнятъ ему пять рабочихъ въ одинъ день. Но представьте себѣ, что эти же рабочіе будутъ работать по 10 часовъ въ день; что произойдетъ тогда? Что станетъ дѣлать хозяинъ? Вѣдь, тогда его рабочіе не приготовятъ ему всей работы въ одинъ день, и ему останется только одно средство: принять **шестого работника**. Итакъ, если ему вмѣсто пяти будутъ нужны шесть рабочихъ, то онъ будетъ больше нуждаться, а такъ какъ ему придется нанять большее число рабочихъ, то ихъ уже не такъ много останется безъ работы, и ему невозможно будетъ по этимъ двумъ причинамъ понизить ихъ плату; такимъ образомъ, рабочіе будутъ меньше трудиться и больше зарабатывать.

Теперь мы можемъ вернуться къ прежнему вопросу: если это такъ, то правы-ли рабочіе, полагая, что имъ невозможно сократить время работы? Очевидно, что неправы.

Однако, среди насъ, навѣрное, найдутся такіе, которые скажутъ: „да, правда-то правда, что здѣсь все

225883

время рѣчь шла о тѣхъ, которые работаютъ поденно, понедѣльно, помѣсячно; что же касается поштучниковъ, то, вѣдь, для нихъ, безъ сомнѣнія, выгоднѣе какъ можно дольше работать, такъ какъ чѣмъ больше они выработаютъ, тѣмъ больше и получатъ.

Возьмемъ тотъ же примѣръ и посмотримъ, правда-ли это. Положимъ, что тотъ же хозяинъ, о которомъ мы говорили, платитъ за работу поштучно, что же тогда? Рабочіе стараются трудиться 15 часовъ въ сутки и зарабатываютъ, правда, бсльше, но это можетъ продолжаться лишь самое короткое время.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько человѣкъ можетъ занять эта работа? Всего четырехъ, а остальные два изъ прежнихъ шести остаются безъ работы. Но жить имъ все таки надо, поэтому, они приходятъ къ хозяину и говорятъ ему, что согласны работать за меньшую плату, лишь бы работу получить; онъ, разумѣется, пользуется этимъ и говоритъ своимъ рабочимъ-поштучникамъ: „я могу достать болѣе дешевыхъ работниковъ, которые хотятъ работать за такую-то и такую-то плату; поэтому, если вы согласны на тѣ же условія, то оставайтесь, если же нѣтъ, то убирайтесь по добру, по здорову!“ И вотъ поштучные работники принуждены работать по 15 часовъ въ сутки и получать столько, сколько раньше они получали за 12 часовъ и такимъ образомъ, тоже немного выиграютъ отъ удлиненія своего рабочаго дня: они увеличиваютъ число безработныхъ, которые изъ нужды понижаютъ плату, и поштучники остаются въ дуракахъ.

Что это въ самомъ дѣлѣ такъ, что, меньше трудясь, рабочіе зарабатывали бы не меньше прежняго, видно еще изъ слѣдующаго расчета: у насъ въ Россіи въ настоящее время около милліона четырехсотъ тысячъ (1,400,000) фабричныхъ рабочихъ, не считая кустарей и ремесленниковъ, и они работаютъ среднимъ числомъ по 14 часовъ въ сутки; если бы они работали по 13 часовъ, то были бы заняты еще 100,000 рабочихъ, и меньшее число людей ходило бы безъ работы, всѣ ра-

бочіе могли бы получать лучшую плату и, слѣдовательно, работая меньше, зарабатывали бы больше.

Но какъ же поступить въ такихъ ремеслахъ и производствахъ, гдѣ работа можетъ совершаться лишь въ извѣстную часть года, т.-е., гдѣ бываетъ такъ называемая сезонная работа, какъ напр., у каменьщиковъ, штукатуровъ, портныхъ, модистокъ, и т. п.? Какъ быть съ ними со всѣми? Развѣ могутъ каменьщики, штукатуры сократить рабочій день, когда они зависятъ отъ времени и должны имъ пользоваться? Или возьмемъ портныхъ: развѣ они могутъ сократить рабочій день, когда ихъ работа продолжается лишь извѣстное время, а затѣмъ они остаются безъ работы? Чего же они добиваются? Для нихъ, напротивъ, выгоднѣе больше работать, такъ какъ время коротко, и они должны дорожить каждой минутой. — Нѣтъ, это не такъ.

Если они будутъ меньше работать, то въ нихъ будутъ больше нуждаться, и имъ можно будетъ потребовать увеличенія платы, такъ что они будутъ въ то же время и больше зарабатывать.

Такъ-то будетъ дѣло происходить въ срочныхъ работахъ, которыя находятся въ полной зависимости отъ времени; что же касается другихъ ремеслъ, какъ напр., у портныхъ, модистокъ, гдѣ нѣтъ такой зависимости отъ времени года, то работники сокращеніемъ рабочаго дня добьются того, что самый сезонъ продлится, потому что если работа не будетъ приготовлена къ сроку, то часть ея останется на другое время, и работники, благодаря этому, меньшее время будутъ оставаться безъ работы; а затѣмъ, когда покупатели привыкнутъ къ тому, что передъ праздниками или передъ наступленіемъ весны или осени трудно у портныхъ получить заказъ въ срокъ, они станутъ отдавать заказы раньше, и сезонъ, такимъ образомъ, удлинится самъ собою.

Теперь вы видите ясно, что и для такихъ рабочихъ сокращеніе рабочаго дня полезно.

Однимъ словомъ, очевидно, что для всѣхъ рабочихъ

выгодно сократить рабочій день и что они притомъ могутъ зарабатывать не только не меньше, но даже и больше прежняго, и меньшее время будутъ оставаться безъ работы. Справедливость этого подтверждаютъ многіе факты изъ рабочей жизни. Въ Германіи, напр., столяры не во всѣ времена работали одинаково и получали неодинаковую плату: а именно, когда они работали по 13 часовъ въ сутки, т. е. по 78 часовъ въ недѣлю, они получали 7 руб. 30 коп. въ недѣлю; когда они стали работать 12 часовъ, они стали получать 8 руб. 43 коп. въ недѣлю; когда же они добились пониженія рабочаго дня до 11 часовъ, то ихъ заработокъ соотвѣтственно съ этимъ поднялся до 8 р. 60 к. въ недѣлю и, наконецъ, достигъ 10 руб. 80 коп. въ недѣлю при работѣ въ 9-10 часовъ ежедневно. Итакъ, ихъ заработная плата поднялась съ 7 руб. до 10 руб., когда они стали работать четыремя часами въ день меньше. И не одни столяры, но и булочники также добились сокращенія своего рабочаго дня на два часа и вмѣстѣ съ тѣмъ плата ихъ увеличилась на 6 руб. въ недѣлю. Подобнымъ же образомъ и въ Англіи: въ Лондонѣ рабочіе газовыхъ заводовъ добились введенія восьмичасоваго рабочаго дня вмѣсто девятичасоваго, благодаря чему нѣсколько тысячъ безработныхъ нашли себѣ работу и, кромѣ того, произошло повышеніе заработной платы.

У насъ въ Россіи, въ Минской губ., на ткацкихъ фабрикахъ, заработная плата измѣнялась слѣдующимъ образомъ: когда рабочій день продолжался 15-16½ час., ежемѣсячный заработокъ простирался среднимъ числомъ до 16 руб. 16 коп.; когда стали работать 14-15 часовъ ежедневно, заработная плата поднялась до 18 руб. 89 коп., т. е. увеличилась на 2 руб. 70 коп.; когда добились новаго сокращенія рабочаго дня, т. е. когда онъ сталъ продожаться 13-14½ часовъ, то плата снова повысилась до 20 руб., т. е. на 1 руб. 11 коп. и, наконецъ, достигла 21 руб. 66 коп. ежемѣсячно, когда стали работать всего 11½-12¾ часовъ въ сутки.

Такимъ образомъ, если мы сравнимъ заработную плату при 15-16тичасовомъ днѣ и теперешнюю при 12-13тичасовомъ, т. е. когда рабочій день уменьшился на три часа, то мы увидимъ, что заработная плата повысилась съ 16 руб. 16 коп. до 21 руб. 66 коп., или на 5 руб. 50 коп.* .

Въ Западномъ краѣ, съ тѣхъ поръ, какъ начали добиваться болѣе короткаго рабочаго дня, съ тѣхъ поръ, какъ стали требовать, чтобы работа длилась лишь столько, сколько указываетъ законъ для ремесленниковъ, т. е. 12 часовъ, также замѣтно повышеніе заработной платы у сапожниковъ, у щеточниковъ и у нѣкоторыхъ другихъ. Щеточникъ, напр., когда работалъ зимой по 15 часовъ, а лѣтомъ по $13^1/_2$ часовъ ежедневно, получалъ среднимъ числомъ 2 руб. 75 коп. въ недѣлю, а когда стали работать всего 12 часовъ, то плата ихъ поднялась до 3 руб. 75 коп. еженедѣльно, т. е. опять таки, при сокращеніи рабочаго дня на 1-2-4 часа (теперь въ однихъ мастерскихъ работаютъ отъ 7 утра до 7 вечера, въ другихъ отъ 7 до 8, въ третьихъ отъ 7 до 9) стали получать еженедѣльно на 50 коп. больше; то же самое произошло и у сапожниковъ, и у наборщиковъ. Однимъ словомъ, вездѣ замѣчается одно и то же явленіе: **съ сокращеніемъ рабочаго дня увеличивается заработная плата.**

Однако, многіе съ недовѣріемъ относятся къ этимъ фактамъ и утверждаютъ, что этого быть не можетъ, такъ какъ, наоборотъ, самому хозяину, вѣдь, выгоднѣе платить рабочимъ больше, если они у него дольше работаютъ. Но и это невѣрно, доказательствомъ чему

---

*) Въ Россіи рабочій день продолжается среднимъ числомъ 13-14 часовъ, а въ Америкѣ (Соединенныхъ Штатахъ) всего 9-10 часовъ; между тѣмъ плата за за каждый рабочій часъ въ Америкѣ въ пять разъ больше, чѣмъ въ Россіи! Точно также и въ Англіи: при 9-10тичасовоаъ днѣ плата въ четыре раза больше чѣмъ въ Россіи.

служатъ опять таки примѣры, взятые изъ жизни рабочихъ.

— скіе рабочіе стали работать вмѣсто 8 часовъ ежедневно 12 часовъ, и плата ихъ, слѣдовательно, должна бы повыситься на половину, а увеличилась она лишь на четверть. Да и это повышеніе было только вначалѣ, а потомъ дѣло вышло какъ разъ наоборотъ: такъ какъ они производили больше товаровъ, то для исполненія той же работы требовалось меньшее число работниковъ, и потому большее число оставалось безъ работы; эти безработные, предлагая свои услуги, естественно понижали плату занятыхъ рабочихъ. Итакъ, очевидно, что въ концѣ концовъ рабочіе ничего не выиграли отъ увеличенія своего рабочаго дня: имъ приходится только за ту же плату дольше работать.

Вотъ мы видѣли много примѣровъ для доказательства того, что все это вѣрно. Но примѣры эти взяты по большей части изъ такихъ странъ, мѣстностей и городовъ, гдѣ промышленность сильно развита, гдѣ машина уже въ значительной степени вытѣснила трудъ человѣка и гдѣ, поэтому, менѣе нуждаются въ рабочемъ и легче могутъ обходиться безъ профессіональныхъ работниковъ, т. е. такихъ, которые хорошо изучили бы одно какое нибудь ремесло, такъ какъ машина упрощаетъ трудъ до того, что ему всякій можетъ выучиться, а благодаря этому, если работникъ потребуетъ увеличенія своей платы или сокращенія рабочаго дня, то онъ всегда можетъ быть замѣненъ другимъ.

Однако, несмотря на все это, рабочимъ все таки удалось при уменьшеніи рабочаго дня достигнуть одновременнаго увеличенія своей платы, такъ какъ при всякихъ условіяхъ сокращеніе рабочаго дня всегда ведетъ къ уменьшенію общаго числа безработныхъ и тѣмъ самымъ, слѣдовательно, увеличиваетъ заработную плату занятыхъ рабочихъ.

Что же касается такихъ городовъ и мѣстъ, гдѣ крупная машинная промышленность еще слабо развита, гдѣ въ большей части ремеслъ господствуетъ ручной

трудъ и гдѣ потому качество и количество работы зависитъ, главнымъ образомъ, отъ искусства каждаго отдѣльнаго работника, то тамъ рабочимъ еще легче добиться исполненія своихъ требованій: въ случаѣ отказа со стороны рабочаго работать при тѣхъ условіяхъ, какія ему предлагаетъ хозяинъ, его не такъ легко будетъ замѣнить машиной или другими рабочими.

Мы раньше видѣли, что всѣ обстоятельства, которыя такъ или иначе вліяютъ на заработную плату рабочихъ, получающихъ ее поденно, оказываютъ такое же вліяніе и на рабочихъ-поштучниковъ: поэтому, все, что до сихъ поръ говорилось о первыхъ, цѣликомъ приложимо и къ послѣднимъ; на всѣ ихъ возраженія, что съ сокращеніемъ рабочаго дня они будутъ производить меньше, а потому и получать меньше, — имъ можно представить все тотъ же неопровержимый доводъ: если они будутъ работать меньшее время, то придется занять большее число рабочихъ, останется меньшее число безработныхъ, ослабѣетъ конкурренція между рабочими, и они будутъ въ состояніи, благодаря этому, повысить свою заработную поштучную плату, — такъ что въ концѣ концовъ сокращеніе рабочаго дня не нанесетъ никакого ущерба ихъ ежедневному или еженедѣльному заработку. И это мы можемъ подтвердить примѣромъ, взятымъ снова изъ самой жизни рабочихъ. Въ Берлинѣ въ 862 году каждый каменьщикъ клалъ въ день 623 кирпича, а въ 1873 г., когда рабочій день былъ уменьшенъ, каждый работникъ могъ класть всего 304 кирпича; между тѣмъ, заработная плата съ 1 руб. 05 коп. повысилась до 2 руб. 25 коп. Вотъ примѣръ того, что и у поштучниковъ, при сокращеніи рабочаго дня, увеличивается заработная плата. Послѣ всего сказаннаго, это должно быть для васъ уже совершенно яснымъ.

* * *

Короткій рабочій день имѣетъ много такихъ преимуществъ, которыя съ перваго раза, пожалуй, не за-

мѣтны. Такъ напр., сокращеніе рабочаго времени дастъ возможность производить больше, потому что трудъ становится напряженнѣе, или, какъ говорятъ, интенсивнѣе: это значитъ, что въ каждый часъ рабочій производитъ больше продуктовъ, чѣмъ при длинномъ рабочемъ днѣ. Въ справедливости этого насъ убѣждаютъ многочисленные факты и примѣры, какъ изъ быта рабочихъ, такъ и изъ повседневной жизни вообще.

Всякій изъ васъ, напр., знаетъ, что когда приходится совершать пѣшкомъ длинный путь, то къ концу пути идешь гораздо медленнѣе, чѣмъ въ началѣ, когда вышелъ со свѣжими силами. Но при работѣ это гораздо меньше замѣтно, такъ какъ рабочіе до того уже привыкли къ своему тяжелому положенію, что, по мнѣнію многихъ, сокращеніе рабочаго дня часа на два никакого существеннаго облегченія не доставитъ, а лишь уменьшитъ количество выработанныхъ продуктовъ. Но какъ то, такъ и другое совершенно несправедливо; самое ничтожное сокращеніе рабочаго времени дѣлаетъ работника бодрѣе, сильнѣе, а благодаря большему отдыху, онъ можетъ всегда со свѣжими силами приниматься за свой трудъ, и потому производить не меньшее, чѣмъ прежде, количество продуктовъ. Это явленіе извѣстно уже и фабрикантамъ, и нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ сами вводить болѣе короткій рабочій день, такъ какъ при этомъ количество производимыхъ продуктовъ не уменьшается, а качество ихъ становится лучше, опять таки по той же причинѣ.

Въ Австраліи, напр., почти повсюду введенъ восьмичасовой рабочій день, и тамъ производятъ въ это время не меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ работаютъ 13-14-15 часовъ въ сутки. Отчеты одной фабрики показываютъ, что при тѣхъ же орудіяхъ производства стали вырабатывать 776-777 фунтовъ пряжи. Далѣе, во Франціи каждый рабочій производитъ товару на 1337 руб. въ годъ, а въ Америкѣ (С.-Штатахъ), гдѣ рабочій день **на три часа короче**, чѣмъ во Франціи, работникъ производитъ товаровъ на 4073 р.

въ годъ. Подобные же примѣры мы можемъ видѣть и у насъ въ Россіи. Въ 1893 г. на фабрикѣ Шейблера въ Лодзи ввели 12-тичасовой день вмѣсто 13-тичасоваго*); этому примѣру послѣдовали и другіе фабриканты, и теперь они говорятъ, что нисколько не раскаиваются въ этомъ: у нихъ производится продуктовъ не меньше, чѣмъ прежде, такъ какъ рабочій, менѣе утомленный и обезсиленный чрезмѣрной работой, можетъ производить больше. Въ Московской губ. работаютъ днемъ и ночью, всего около 15-16 часовъ въ сутки; въ Петербургѣ ночной работы нѣтъ, и все таки петербургскіе фабриканты увѣряютъ, что у нихъ производятъ больше, и качество товаровъ лучше.

Гуть вы, навѣрное, возразите: но если при короткомъ рабочемъ днѣ будетъ, въ концѣ концовъ, вырабатываться не меньшее количество продуктовъ, то, вѣдь, повторится прежняя исторія: потребуется меньшее число рабочихъ, останется больше безработныхъ, и заработная плата снова понизится!

Такъ-то оно было бы такъ, еслибы вы не забыли одного важна о обстоятельства: вѣдь, для того, чтобы добиться болѣе короткаго дня, рабочіе должны сплотиться, объединиться, крѣпко стоять другъ за дружку; поэтому, когда они сокращеніемъ рабочаго времени вызовутъ увеличеніе заработной платы, то потомъ уже у нихъ не легко будетъ отнять то, чего они добились: наученные опытомъ, соединившись вмѣстѣ, они будутъ такъ же крѣпко отстаивать свою плату, какъ раньше добивались уменьшенія рабочаго дня; притомъ гораздо легче сохранить за собой то, что уже имѣешь, чѣмъ добыть что нибудь новое.

Итакъ, на вашъ первый вопросъ, не уменьшите-ли

*) Шейблеръ сдѣлалъ это потому, что опасался, какъ бы рабочіе не устроили стачки, какъ они сдѣлали въ 1892 году, и потому счелъ за лучшее предупредить ихъ, и самому исполнить то, что они могли бы потребовать.

вы свою долю пищи, питья и вообще средствъ къ жизни, сокративъ рабочій день — остается все одинъ и тотъ же отвѣтъ: **нѣтъ, не только не уменьшите, но даже увеличите.**

* * *

Посмотримъ теперь, какія еще выгоды, кромѣ непосредственнаго увеличенія заработной платы, доставитъ рабочимъ сокращеніе рабочаго дня. Прежде всего не отзовется-ли оно благопріятно на ихъ здоровьи? Безусловно, да, потому что длинный рабочій день служитъ для нихъ источникомъ всевозможныхъ болѣзней и даже преждевременной смерти.

Чтобы лучше понять все это, вы должны сперва знать, что вообще человѣку необходимъ трудъ, но трудъ въ мѣру: какъ недостаточный трудъ, такъ и чрезмѣрный одинаково вредны для человѣка: они ослабляютъ его организмъ и причиняютъ ему болѣзни и страданія. Вы, можетъ быть, возразите на это, что богатые не трудятся вѣдь, а тѣмъ не менѣе нисколько отъ этого не страдаютъ; но это не такъ: богачи-праздношатающіеся, взамѣнъ простаго труда, прибѣгаютъ къ искусственнымъ средствамъ, въ родѣ гимнастики, велосипедной ѣзды и т. п., или же дѣйствительно болѣютъ и потому постоянно лечатся, ѣздятъ на воды и т. д. Значительно большія страданія происходятъ отъ чрезмѣрнаго труда бѣдняковъ-рабочихъ, при чемъ усталость или страданіе одного органа отзывается на всемъ тѣлѣ.

Однако, какое же отношеніе, спросите вы, имѣетъ, напр., рука къ головѣ и сердцу?

Дѣло въ томъ, что вполнѣ нормальнымъ и здоровымъ человѣческій трудъ бываетъ лишь тогда, когда упражняются всѣ части тѣла, всѣ органы; если же упражняются только одни органы, то они развиваются въ ущербъ другимъ: такъ, правая рука сильнѣе лѣвой. Кромѣ того, что значитъ вообще работать? Это зна-

читъ двигать нашими органами; но они приводятся въ движеніе, благодаря существованію у насъ множества тонкихъ волоконъ, которые называются *нервами*; они разсѣяны у насъ по всему тѣлу и сходятся въ одномъ мѣстѣ, а именно, въ головномъ мозгу, гдѣ переплетаются и соединяются между собою. Такимъ образомъ, усталость какого либо органа вызываетъ страданіе соотвѣтствующихъ нервовъ, а черезъ нихъ передается всей головѣ. Да вы и сами изъ опыта знаете, что отъ усиленной работы руками болитъ грудь, ломитъ въ спинѣ и голова кружится. А такая усиленная работа продолжается не часъ и не день, а годы, всю жизнь. Неудивительно, поэтому, что рабочіе такъ часто болѣютъ и такъ рано истощаются, старѣютъ и умираютъ. Всѣмъ извѣстно, что смертность среди рабочаго класса гораздо болѣе распространена, чѣмъ среди болѣе обезпеченныхъ классовъ. Такъ напр., въ Гамбургѣ вычислено, что средній возрастъ жизни высшихъ классовъ — около 35 лѣтъ, а у рабочихъ — всего 15 лѣтъ! Разница не малая! И происходитъ это оттого, что рабочій трудится не столько и не такъ, какъ этого требуетъ природа его организма, но гораздо больше и притомъ при такихъ условіяхъ, которыя прямо убійственны для его здоровья. Человѣку нуженъ для дыханія свѣжій воздухъ, а рабочіе находятся въ спертыхъ, душныхъ помѣщеніяхъ, отчего они страдаютъ лихорадкой; человѣку вредно быстро переходить изъ жары въ холодъ, а между тѣмъ на прядильныхъ фабрикахъ, напр., есть отдѣленія, гдѣ стоитъ очень высокая температура, необходимая для сушки шерсти, а рабочимъ приходится изъ этихъ отдѣленій зимой въ морозы постоянно выбѣгать на дворъ! Подобная перемѣна температуры быстро разрушаетъ здоровье рабочаго: онъ начинаетъ страдать ревматизмомъ, болѣзнями легкихъ, да и этимъ-ли однимъ? Въ сущности, вѣдь, если хорошенько подумать, то мы увидимъ, что рабочій еще раньше своего появленія на свѣтъ, въ чревѣ матери страдаетъ уже всевозможными болѣзнями

служащими причиной его преждевременной смерти. Да чрезмѣрная работа при подобныхъ условіяхъ особенно вредна для женщинъ, которыя заболѣваютъ женскими болѣзнями и рожаютъ раньше времени: понятно, что за поколѣніе можетъ при этомъ произойти! Когда же дѣти доживаютъ, наконецъ, до 6-8-милѣтняго возраста, ихъ уже посылаютъ въ этотъ промышленный адъ, потому что отецъ, работая на фабрикѣ слишкомъ долго, тѣмъ самымъ сильно понижаетъ, какъ извѣстно, заработную плату, которая оказывается недостаточной для прокормленія его семьи, и потому принужденъ посылать на фабрику и жену, и дѣтей. Но кто не видѣлъ дѣтей рабочихъ? Кто не встрѣчалъ эти блѣдныя, худенькія, истощенныя личики на спичечныхъ или рогожныхъ фабрикахъ? На этихъ юныхъ, преждевременно состарившихся лицахъ можно прочесть лучше, чѣмъ во всякихъ таблицахъ, лучше, чѣмъ въ отчетахъ докторовъ, какъ вліяетъ на слабое и безъ того здоровье дѣтей эта каторжная работа въ зараженной атмосферѣ (воздухѣ).

Несчастныя дѣти, которыя уже рождаются слабыми, какъ мы раньше видѣли, которыя ростутъ безъ всякаго призора, которыя съ раннихъ лѣтъ должны отправляться на эти ужасныя для нихъ фабрики, уродующія ихъ, ѣдящія ихъ зубовъ, какъ напр., на спичечныхъ фабрикахъ, гдѣ у дѣтей отъ сѣры гніютъ десны и выпадаютъ зубы; эти несчастныя дѣти, которыя, если имъ удается вырости, становятся слабыми, истомленными, преждевременно состарившимися рабочими, повторяю, показываютъ намъ лучше всего, какое вліяніе оказываетъ чрезмѣрная работа: дѣйствительно, болѣзни, незначительно развитыя у дѣтей, усиливаются у взрослыхъ, и каждый рабочій страдаетъ какой нибудь болѣзнью.

Такъ, наборщики страдаютъ постоянно чахоткой и, кромѣ того, отъ свинца, который они вдыхаютъ, у нихъ выгниваютъ десны и зубы. Портнихи отъ постоянной работы на машинѣ страдаютъ женскими болѣзнями;

у работниковъ и у работницъ на папиросныхъ фабрикахъ болятъ голова и глаза, дрожатъ руки и т. п. Однимъ словомъ, каждое ремесло причиняетъ свои болѣзни, и притомъ, понятно, чѣмъ больше работаютъ, тѣмъ скорѣе заболѣваютъ ими.

Вотъ нѣсколько наиболѣе очевидныхъ фактовъ: у рабочихъ умираетъ дѣтей въ возрастѣ до двухъ лѣтъ больше, чѣмъ у кого бы то ни было. Отчего же это такъ? Оттого, что матери рожаютъ прежде времени, оттого, что сами онѣ слабы и больны и производятъ, конечно, такихъ же дѣтей; оттого, что онѣ не въ состояніи ухаживать и присматривать за ними. А что дѣлаетъ съ женщинами фабричная работа видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ Америкѣ разъ освидѣтельствовали и переписали женщинъ, поступившихъ на одну фабрику; между ними было 16,360 совершенно здоровыхъ, 882 — средняго здоровья и 185 — слабаго здоровья. Спустя **восемь лѣтъ работы** на этой фабрикѣ оказалось между ними совершенно здоровыхъ 14,557, т. е., почти на двѣ тысяли меньше, чѣмъ раньше, а женщины средняго здоровья — 2,385, т. е. почти въ три раза больше прежняго: въ теченіе **восьми лѣтъ** число здоровыхъ уменьшилось на двѣ тысячи, а число слабыхъ увеличилось втрое.

Фабричная работа, особенно продолжительная, причиняетъ, кромѣ того, искривленія членовъ. Одинъ докторъ разсказываетъ, что въ 1832 году въ одномъ изъ кварталовъ Лондона трудно было найти человѣка съ прямыми колѣнями; у всѣхъ рабочихъ были блѣдныя, тупыя лица и согнутыя спины; а спустя 25 лѣтъ послѣ введенія болѣе короткаго рабочаго дня въ томъ же мѣстѣ и по свидѣтельству того же доктора, уже, напротивъ, трудно было встрѣтить спеціальныхъ фабричныхъ калѣкъ; лица у всѣхъ уже далеко не были такъ блѣдны, спины не такъ изогнуты, и вообще рабочіе имѣли гораздо болѣе бодрый, здоровый видъ, — все оттого, что имъ приходилось меньше работать въ нездоровой обстановкѣ, и они могли болѣе отдыхать.

Вотъ еще цифры для доказательства того, какъ гибеленъ для рабочихъ длинный рабочій день: въ слѣдующей таблицѣ вычислено, сравнительно сколько человѣкъ умираетъ на каждую тысячу въ рабочей средѣ, и сколько въ богатомъ классѣ.

НА КАЖДУЮ ТЫСЯЧУ УМИРАЕТЪ

	ВЪ КЛАССѢ	
лѣтъ	БОГАЧЕЙ	РАБОЧИХЪ
5	57	345
10	62	402
20	144	434
30	204	514
40	305	674
50	443	7 7
60	602	828
70	765	935
80	943	991

Отчего происходитъ такая громадная разница? Главнымъ образомъ, оттого, что рабочіе трудятся сверхъ мѣры, оттого что съ ними обращаются хуже, чѣмъ со скотомъ*). Скотинѣ, по крайней мѣрѣ, даютъ отдыхъ; если лошадь работаетъ днемъ, то она отдыхаетъ ночью, такъ какъ хозяинъ знаетъ, что отъ чрезмѣрной работы лошадь можетъ пасть, и потому бережетъ ее, какъ свою собственность. До рабочаго же ему нѣтъ дѣла: если онъ заболѣлъ или умретъ, то хозяинъ безъ всякаго труда и безъ всякой потери для себя замѣнитъ его другимъ. Вотъ почему онъ безъ зазрѣнія совѣсти замучиваетъ своихъ рабочихъ работой, заставляя ихъ трудиться и ночью, и днемъ.

---

*) Огромная смертность среди рабочихъ зависитъ также и отъ незначительности ихъ заработка, который часто не позволяетъ удовлетворять самыя насущныя потребности; но, вѣдь, и низкая заработная плата, какъ мы раньше видѣли, является слѣдствіемъ слишкомъ длиннаго рабочаго дня.

А попробуйте вы поговорить съ нимъ объ этомъ. — онъ скорчитъ самую невинную физіономію. Какъ! развѣ онъ принуждаетъ своихъ рабочихъ трудиться сверхъ силъ? Вѣдь, они сами ходятъ къ нему просить работы и добровольно соглашаются работать до поздней ночи! Такъ неужели хозяинъ долженъ заботиться объ отдыхѣ для рабочихъ? Ему выгодно забывать объ этомъ, но рабочіе должны объ этомъ помнить. Фабрикантъ, думающій только о томъ, чтобы машина не стояла ни минуты, дѣлитъ своихъ рабочихъ на двѣ смѣны, дневную и ночную, а въ обѣденное время будитъ ночныхъ рабочихъ, заснувшихъ послѣ тяжелой трудовой ночи, и заставляетъ ихъ замѣнить обѣдающихъ дневныхъ; фабрикантъ часто совсѣмъ не назначаетъ особаго времени для ѣды, рѣшивъ, что можно одновременно и работать, и ѣсть. Намъ хорошо извѣстны всѣ средства и уловки, которыя употребляетъ фабрикантъ, чтобы удлинить рабочій день и чтобы, слѣдовательно, замучивать все больше рабочаго.

Но мы не должны забывать всего вреда отъ непрерывной усиленной работы, должны всегда помнить, что намъ необходимъ отдыхъ.

До сихъ поръ мы разсматривали, какой вредъ приноситъ продолжительный рабочій день здоровью рабочаго; теперь посмотримъ, какое вліяніе онъ оказываетъ на его умственныя способности, на степень его пониманія. Доктора свидѣтельствуютъ, что рабочіе вообще страдаютъ нервнымъ разстройствомъ, т. е. головными болями и дурнымъ расположеніемъ духа, потому что, какъ вы уже знаете, каждый органъ соединенъ посредствомъ нервовъ съ мозгомъ, и страданіе одного органа отзывается страданіемъ же на мозгѣ. Кромѣ того, какъ тоже вамъ извѣстно изъ предъидущаго, всякій органъ можетъ быть здоровъ только тогда, если онъ постоянно упражняется въ мѣру; если же мы какимъ нибудь органомъ нашего тѣла совсѣмъ не будемъ работать, то онъ слабѣетъ. И, дѣйствительно, такъ какъ рабочимъ, благодаря раздѣленію

труда, приходится работать все меньшимъ числомъ органовъ, то остальные органы все больше слабѣютъ и вырождаются: такъ напр., у портныхъ, которымъ приходится вести сидячій образъ жизни — обыкновенно слабыя и кривыя ноги.

Понятно, что все это относится и къ мозгу. Рабочему рѣдко приходится работать головой, а потому мозгъ у него постепенно слабѣетъ, тупѣетъ, становится менѣе воспріимчивымъ, менѣе способнымъ къ работѣ. И чѣмъ больше рабочіе трудятся, тѣмъ больше они теряютъ свои способности, свой умъ, свое сознаніе. А такъ какъ слабость передается потомству, и отъ больныхъ родителей не могутъ рождаться здоровыя дѣти, то рабочіе съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе слабѣютъ, болѣе тупѣютъ и вырождаются. Итакъ, рабочіе должны знать и понимать хорошенько, что **длинный рабочій день разстраиваетъ ихъ здоровье, лишаетъ ихъ силъ, притупляетъ ихъ умственныя способности** и помнить объ этомъ должны они **сами**, такъ какъ хозяину и фабриканту нѣтъ до этого никакого дѣла: ему нужно имѣть извѣстное число рабочихъ, а въ нихъ недостатка никогда не бываетъ. Чѣмъ тупѣе и неразвитѣе рабочіе, тѣмъ хозяину даже лучше, такъ какъ чѣмъ меньше они будутъ сознавать свое положеніе, тѣмъ меньше будутъ выказывать недовольства, тѣмъ меньше будутъ отстаивать свои права, устраивать стачки и вообще безпокоить особу хозяина.

Но сами рабочіе должны помнить, что они люди, должны помнить, что для нихъ вредно, **и сами должны бороться противъ этого.** Хозяева изыскиваютъ средства, чтобы удлинить рабочій день, уменьшить заработную плату, словомъ, лишить рабочихъ здоровья и пониманія, чтобы безпрепятственно ихъ эксплуатировать и набивать мошну; рабочіе, въ свою очередь, должны отыскивать средства къ сокращенію рабочаго дня и тѣмъ самымъ способствовать увеличенію заработной платы; они должны требовать короткаго рабочаго дня, чтобы сберегать свое здоровье, чтобы имѣть

больше времени для отдыха, чтобы, наконецъ, имѣть время и средства для своего образованія.

* * *

Кромѣ потери здоровья, рабочіе на фабрикахъ, вслѣдствіе различныхъ случайностей, становятся калѣками, остаются безъ рукъ, ногъ, пальцевъ, или же, попадая между колесами машины, убиваются на смерть. Что же служитъ виною подобныхъ несчастій? Причина опять таки, главнымъ образомъ, въ длиномъ рабочемъ днѣ. Если рабочему приходится простаивать у машины :2, 13, 14 и 15 часовъ, не имѣя времени даже духа перевести; если у рабочаго никогда нѣтъ возможности хорошенько отдохнуть послѣ своей каторжной работы, отнимающей у него послѣднія силы; если, однимъ словомъ, рабочій подобенъ колесу машины, которое мало смазываютъ и заставляютъ постоянно вертѣться, то развѣ удивительно, что колесо ломается, растрескивается, теряетъ зубья и вообще перестаетъ вертѣться? Развѣ удивительно, что рабочему, у котораго все тѣло всегда измучено, словно разбито, у котораго голова еле держится на плечахъ и кружится отъ усталости, а въ глазахъ темно, такъ какъ у него нѣтъ отдыха, — развѣ удивительно, спрашивается, что этому рабочему трудно уберечься отъ несчастныхъ случайностей*) А эти случайности бываютъ такъ часто,

---

*) Нашъ великій поэтъ Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи „Плачъ дѣтей“ такъ описываетъ состояніе рабочаго на фабрикѣ:

Колесо чугунное вертится
И гудитъ, и вѣтромъ обдаетъ!
Голова пылаетъ и кружится,
Сердце бьется, все кругомъ идетъ.
...Впадая въ исступленіе,
Начинаемъ громко мы кричать:
„Погоди, ужасное круженье,

что просто страшно подумать о томъ, сколько невинныхъ людей приносится въ жертву этому всепожирающему капиталу!

Но если бы рабочій день былъ короче, если бы рабочій могъ больше отдыхать, могъ сохранять сознаніе и ясность ума, то онъ былъ бы въ состояніи больше остерегаться и меньше подвергаться истязаніямъ на фабрикѣ. Въ справедливости этого насъ убѣждаетъ то обстоятельство, что всѣ несчастные случаи бываютъ гораздо рѣже по утрамъ, когда рабочій является на фабрику послѣ ночнаго отдыха, и особенно часто бываютъ вечеромъ, когда рабочій усталъ физически и умственно, и члены его разбиты. Если считать съ начала дневной работы до конца, то съ каждымъ часомъ число несчастныхъ случаевъ все увеличивается; только въ серединѣ дня, т. е. сейчасъ послѣ обѣденнаго отдыха, когда рабочіе немного расправляютъ свои утомленные члены, и отъ 6 до 7 часовъ вечера, во время чистки машинъ, число этихъ случаевъ снова уменьшается см. таблицу на стр. 30., составленную на основаніи статистики несчастныхъ случаевъ въ Германіи за 1887 г.). Такимъ образомъ, мы видимъ, что когда рабочіе больше отдыхаютъ, съ ними бываетъ меньше случайностей, но чѣмъ больше они трудятся, чѣмъ больше устаютъ, тѣмъ чаще подвергаются случайностямъ, благодаря которымъ десятки тысячъ людей остаются калѣками.

Но, возразите вы, не только длина рабочаго дня причиняетъ несчастія: вѣдь, они бываютъ и по утрамъ, — отчего же они тогда происходятъ?

Прежде всего, причину такихъ случаевъ надо искать въ самихъ условіяхъ труда; такъ напр., на фаб-

---

„Дай намъ память слабую собрать."
Безполезно плакать и молиться:
Колесо не слышитъ, не щадитъ;
Хоть умри, проклятое вертится,
Хоть умри, — гудитъ, гудитъ, гудитъ!

рикахъ машины часто изъ экономіи поставлены такъ близко другъ отъ друга, что рабочимъ положительно негдѣ повернуться, и потому неудивительно, если они попадаютъ между колесами, которыя отрубаютъ у нихъ руку, ногу и т. п. Слѣдовательно, здѣсь причиной несчастій является тѣснота помѣщеній. Далѣе, и въ Россіи, и заграницей сотни тысячъ рабочихъ заняты работой въ каменноугольныхъ копяхъ (подземныхъ шахтахъ, въ родѣ рудниковъ); тамъ скопляется множество вредныхъ газовъ, которые легко воспламеняются отъ малѣйшей причины, производятъ взрывы и убиваютъ или уродуютъ всѣхъ работающихъ въ это время въ шахтахъ. Есть, правда, машины, которыя выкачиваютъ газъ изъ подземныхъ шахтъ, а также много другихъ средствъ, но всѣ эти средства стоятъ денегъ, а хозяева и владѣльцы копей и фабрикъ, богачи-милліонеры жалѣютъ ихъ и предпочитаютъ предавать гибели сотни и тысячи рабочихъ, дрожа за свой карманъ и считая его гораздо дороже человѣческихъ жизней.

Вы, конечно, съ удивленіемъ спросите, неужели нѣтъ законовъ, обязывающихъ фабрикантовъ вводить у себя мѣры предосторожности противъ несчастныхъ случаевъ. Да, у насъ есть, правда, такой законъ, но онъ гласитъ слѣдующее: „фабрикантъ, который не введетъ „у себя мѣръ предосторожности, какія уже введены у „его сосѣдей-фабрикантовъ, будетъ оштрафованъ“. Такова буква закона; но какъ же быть, если сосѣди-фабриканты не вводятъ у себя также никакихъ мѣръ, считая ихъ излишними? Вѣдь, тогда и первый фабрикантъ считаетъ себя свободнымъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ рабочимъ, и законъ остается простымъ звукомъ. Гдѣ же правду-то искать? И какъ можетъ рабочій найти ее? По закону, въ случаѣ несчастія, рабочій долженъ доказать, что причиною его является хозяинъ, а не онъ, рабочій; но для этого ему нужны и время, и деньги, чтобы тягаться по судамъ, а у него нѣтъ ни того, ни другого, такъ что онъ со-

вершенно безсиленъ противъ фабриканта; между тѣмъ послѣдній пользуется адвокатами, которыхъ онъ нанимаетъ за деньги и которые готовы доказать, что ему угодно и нужно, и истолковываютъ законъ въ его пользу, да вообще при помощи денегъ можно не исполнять законы, которые, какъ мы знаемъ, писаны лишь для того, чтобы ихъ обходить.

Итакъ, ни на судѣ, ни въ законѣ не могутъ найти себѣ рабочіе защиты! Но, вѣдь, существуютъ, скажете вы, фабричные инспектора, которые обязаны наблюдать за фабриками, защищать рабочихъ отъ обидъ и притѣсненіи предпринимателей и заботиться о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ; отчего же они не вмѣшиваются? Во первыхъ, у насъ такъ мало фабричныхъ инспекторовъ, что они прямо не въ состояніи за всѣмъ присмотрѣть: во вторыхъ, они тоже грѣшные люди, не лучше другихъ и далеко не прочь получить взятку; въ третьихъ, наконецъ, и самый законъ, какъ мы уже раньше видѣли, можно толковать, какъ угодно, а потому и отъ фабричныхъ инспекторовъ рабочимъ нечего ожидать себѣ помощи,

Вотъ мы разсмотрѣли всѣ средства, при помощи которыхъ, казалось, можно было достигнуть нѣкотораго облегченія; въ числѣ ихъ былъ и законъ, и судьи, отъ которыхъ обыкновенно ждутъ помощи, — и мы видѣли, какъ много они помогаютъ рабочимъ. Да, они много помогаютъ! У насъ въ Россіи становятся ежегодно калѣками **десять тысячъ рабочихъ.**

Десять тысячъ! изъ двухъ милліоновъ всѣхъ рабочихъ — это, вѣдь, ужасно! скажете вы.

Это ужасно, но оно, къ сожалѣнію, такъ. Мѣръ, могущихъ предохранить отъ преждевременной смерти, не желаютъ ввести, для насъ нѣтъ ни законовъ, ни правды, — такъ что же намъ дѣлать? Къ кому обратиться? Къ себѣ самимъ, къ своимъ же братьямъ-рабочимъ, которые несутъ то же иго и пьютъ ту же горькую чашу страданій!

Но спрашивается, когда же могутъ рабочіе поразъ-

мыслить о себѣ, и въ особенности, о своихъ братьяхъ и сестрахъ, о рабочемъ классѣ вообще? Съ работы рабочій возвращается въ 10-11 часовъ вечера или даже позже; онъ усталъ, весь разбитъ, голова у него едва держится, дома у него холодно и тоскливо, усталыя дѣти спятъ какъ убитыя; жена, трудившаяся цѣлый день не меньше его, также легла спать; и ему остается лечь на жесткую постель съ тѣмъ, чтобы утромъ снова отправиться на свою каторжную работу. И такъ изо дня въ день, всю жизнь — съ фабрики въ холодную, темную каморку, и опять назадъ! Когда же тоска выгоняетъ его изъ дома на улицу, какія удовольствія можетъ онъ тамъ найти? Онъ отправляется въ кабакъ за стаканомъ водки, которая согрѣваетъ его измученное за день тѣло; тамъ онъ, кромѣ того, находитъ и карты, и биліардъ, которые разгоняютъ его тоску и возбуждаютъ въ немъ на время бодрость духа. И вотъ за этими удовольствіями у него снова нѣтъ времени подумать о своемъ положеніи, такъ какъ въ кабакѣ нѣтъ пищи ни для ума, ни для сердца, которое, благодаря этому, постоянно черствѣетъ, а рабочій съ каждымъ днемъ смотритъ все равнодушнѣе на себя и на все окружающее. Если же у него иногда выпадаютъ минуты сознанія, и онъ видитъ и понимаетъ свое несчастное положеніе, то какъ онъ можетъ помочь себѣ? Не имѣя времени подумать о самомъ себѣ, приласкать жену или дѣтей, можетъ-ли онъ подумать о другихъ, заботиться о нуждахъ рабочаго класса? Итакъ, рабочіе все грубѣютъ, потому что жизнь ихъ проходитъ или при машинѣ, или въ кабакѣ, или въ холодномъ, темномъ углу, безъ книгъ и безъ удовольствій, могущихъ повліять благотворно на характеръ человѣка такъ, чтобы онъ отличался отъ дикаго звѣря!

Однако, еслибъ рабочіе работали меньше, они не были бы такъ измучены и разслаблены, и не чувствовали потребности оживлять себя рюмкой водки: вернувшись рано домой, они заставали бы жену и дѣтей

въ ожиданіи ужина и, найдя тамъ отдыхъ, наслаждаясь семейными ласками, не принуждены были бы убѣгать изъ дому въ кабакъ. Дѣйствительно, въ Англіи, напр., въ теченіи 25 лѣтъ послѣ введенія болѣе короткаго рабочаго дня, пьянство среди рабочихъ значительно уменьшилось. Если же длинный рабочій день вліяетъ такимъ образомъ на родителей, то какъ должно это вліяніе отражаться на дѣтяхъ, на образованіи ихъ характера? Мы знаемъ, вѣдь, что въ рабочей средѣ въ самомъ дѣлѣ происходятъ такія дѣла, которыя даютъ поводъ утверждать врагамъ ихъ, что рабочіе испорчены, развращены и т. п.

Но можетъ-ли быть иначе? — вотъ вопросъ. Можетъ-ли быть иначе, если заработокъ ихъ, благодаря слишкомъ длинному рабочему дню, крайне малъ, если рабочіе, чтобы имѣть возможность просуществовать, должны посылать на фабрику женъ и дѣтей: если, наконецъ, дѣти рабочихъ находятся постоянно вмѣстѣ со взрослыми и присутствуютъ при такихъ рѣчахъ и сценахъ, при которыхъ не должны были бы присутствовать. У насъ въ Россіи находятся всегда вмѣстѣ взрослые рабочіе и дѣти, мужчины и женщины, и не только во время работы, но и во время сна, — могутъ-ли рабочіе при такихъ условіяхъ не развращаться? Могутъ-ли дѣти оставаться честными, если они видятъ вокругъ себя множество примѣровъ произвола, грабежа и самаго безнаказаннаго насилія, если самъ хозяинъ, богатый фабрикантъ, думаетъ лишь о томъ, какъ бы больше награбить, какъ бы отнять у рабочаго его жалкіе гроши? У кого же учиться рабочимъ нравственности?

* * *

Итакъ, мы видѣли, что у рабочихъ нѣтъ ни малѣйшей возможности выростать честными и нравственными людьми, такъ какъ жизнь ихъ проходитъ на фабрикѣ, а послѣ работы у нихъ не остается ни минуты вре-

мени подумать о своемъ положеніи, совершенствовать свой характеръ, развивать свои вкусы и учиться; мы видѣли, что чрезмѣрная работа лишаетъ рабочихъ и силъ, и здоровья, и умственныхъ способностей, что благодаря чрезмѣрной работѣ, заработная плата крайне низка и не даетъ возможности удовлетворять самыхъ насущныхъ потребностей; мы видѣли, наконецъ, что чрезмѣрная работа дѣлаетъ рабочихъ калѣками и служитъ причиной ихъ преждевременной смерти, что она заставляетъ ихъ посылать своихъ слабенькихъ дѣтей чуть-ли не съ 6-тилѣтняго возраста на фабрику, гдѣ они теряютъ здоровье и старѣются преждевременно. **Все это является для рабочихъ слѣдствіемъ длиннаго рабочаго дня.**

Поэтому, чтобы увеличить свою заработную плату, чтобы сберечь здоровье и жить столько же, какъ и другіе люди, чтобы не находиться въ положеніи рабочаго скота, не сознающаго своего положенія, чтобы имѣть возможность учиться, чтобы и дѣтей своихъ воспитывать честными людьми и предотвратить ихъ отъ разврата и преступленій, чтобы имѣть, наконецъ, досугъ подумать о дѣлахъ и нуждахъ, какъ своихъ, такъ и всего рабочаго класса, для всего этого **необходимо направить всѣ усилія на то, чтобы меньше приходилось работать, чтобы добиться, слѣдовательно, болѣе короткаго рабочаго дня.**

Но какъ же достигнуть этого? Какимъ образомъ добиться сокращенія рабочаго времени?

Что касается рабочихъ-ремесленниковъ, то для нихъ это на первыхъ порахъ очень простое дѣло. У насъ въ Россіи есть законъ, по которому рабочіе-ремесленники не должны трудиться болѣе 12 часовъ въ день, причемъ изъ этого времени удѣляется полчаса на завтракъ и $1^1/_2$ часа на обѣдъ; законъ этотъ существуетъ уже болѣе ста лѣтъ. Онъ гласитъ: „Ремесленные рабочіе часы въ сутки суть: отъ шести часовъ утра до шести часовъ вечера, исключая полчаса

„на завтракъ и полтора часа на обѣдъ и отдыхъ“ *).

Однако, законъ этотъ не соблюдается, такъ какъ хозяевамъ мастерскихъ невыгодно соблюдать его, а рабочіе — темные, невѣжественные люди, — не знаютъ о существованіи его и не понимаютъ той пользы, которую онъ можетъ имъ принести. Поэтому, неудивительно, что во многихъ мастерскихъ рабочій день продолжается 14, 15 и 16 часовъ.

Однако, какъ же рабочимъ достигнуть того, чтобы работа длилась лишь 12 часовъ въ день? Что имъ для этого нужно дѣлать?

Они должны, прежде всего, разъяснить другъ другу всѣ выгоды болѣе короткаго рабочаго дня; затѣмъ, имъ слѣдуетъ подавать на имя губернаторовъ прошенія за подписями всѣхъ рабочихъ о томъ, чтобы при посредствѣ полиціи заставили хозяевъ-ремесленниковъ отпускать своихъ рабочихъ послѣ 12 часовъ труда.

Возможно, что какой либо рабочій спроситъ: „Зачѣмъ мнѣ говорить съ рабочими и разъяснять имъ выгоды короткаго рабочаго дня? Я лучше самъ подамъ прошеніе губернатору и укажу ему, что въ такихъ-то и такихъ-то мастерскихъ не исполняютъ закона о 12-тичасовомъ днѣ; тогда полиція, навѣрное, заставитъ хозяевъ исполнять законъ, а я, такимъ образомъ, окажу безъ всякаго труда рабочимъ большую услугу“.

Подобное разсужденіе лишено всякаго основанія: до тѣхъ поръ, пока рабочіе сами не проникнутся сознаніемъ пользы и необходимости короткаго рабочаго дня, они будутъ содѣйствовать полиціи въ обходѣ закона; они будутъ говорить полиціи, что работаютъ только 12 часовъ, будутъ прятаться во время осмотра полиціей мастерскихъ, а по ея уходѣ вновь приниматься за работу. Такъ до сихъ поръ обыкновенно и бывало. Значитъ, только тогда, когда рабочіе дѣйствительно поймутъ важное значеніе для нихъ короткаго рабочаго дня и сознательно станутъ добиваться его, имъ можно будетъ осуществить свои желанія.

---

*) 431 ст. Уст. о промышл., т. XI, ч. 2.

Впрочемъ, хотя и существуетъ законъ, хотя бы работники и желали работать меньше, — этого все еще мало для того, чтобы въ дѣйствительности трудиться не больше 12 часовъ ежедневно: хозяева прекрасно знаютъ, что противъ полиціи есть очень удобное и простое средство — сунуть въ руки нѣсколько рублей и тогда, лишь бы рабочіе согласны были работать 14 и 15 часовъ, полиція ужъ не станетъ вмѣшиваться; а потому хозяева преспокойно отказываютъ тѣмъ изъ своихъ подмастерьевъ, которые не желаютъ работать болѣе 12 часовъ.

Слѣдовательно, главнымъ средствомъ рабочихъ-ремесленниковъ для сокращенія рабочаго дня являются стачки, т. е. совершенное оставленіе работы до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не согласится на условія, поставленныя рабочими.

Что же касается фабричныхъ рабочихъ, которыхъ вышеупомянутый законъ не касается, то у нихъ стачки являются почти единственнымъ средствомъ какъ для того, чтобы склонить отдѣльныхъ фабрикантовъ къ сокращенію рабочаго дня, такъ и для того, чтобы добиться фабричнаго закона, ограничивающаго число часовъ труда.

Но чтобы рабочіе могли сразу прекратить работу, чтобы они могли крѣпко держаться во время стачки и не отступать отъ своихъ требованій, они должны объединиться, должны заключить союзъ: только соединившись въ союзы, рабочіе будутъ питать довѣріе другъ къ другу, будутъ сознавать свои общіе интересы, будутъ поддерживать другъ друга: только вступивъ въ рабочій союзъ, каждый можетъ быть увѣренъ, что никто не станетъ работать раньше, чѣмъ всѣ будутъ удовлетворены въ своихъ требованіяхъ, только тогда, наконецъ, будутъ рабочіе крѣпко держаться во время стачки.

Кромѣ того, для устройства стачки необходимо имѣть средства, которыми можно было бы существовать забастовавшимъ рабочимъ во время стачки и не при-

ходилось бы сейчасъ же сдаться за неимѣніемъ средствъ къ жизни; съ этою цѣлью рабочіе, объединяясь въ союзы, должны откладывать, кто что можетъ, въ общую кассу на черный день, должны собирать сообща деньги, словомъ, должны устроить общія **рабочія кассы**. Заключивъ союзы, устроивъ кассы, крѣпко стоя другъ за друга такъ, чтобы, если одни бросятъ работу, другіе не становились на ихъ мѣсто, рабочіе добьются всего, — они достигнутъ того, что будутъ работать 11, 10 и даже меньше часовъ въ день; но прежде всего, они заставятъ хозяевъ соблюдать законъ о 12-тичасовомъ рабочемъ днѣ, а потомъ уже, работая 12 часовъ, они будутъ имѣть нѣкоторый досугъ, чтобы обдумать свое положеніе и станутъ, шагъ за шагомъ, добиваться все новыхъ и новыхъ улучшеній. При этомъ вамъ не надо забывать, что всѣ эти улучшенія **полезны и выгодны для рабочихъ** и не выгодны для фабрикантовъ и хозяевъ; поэтому, рабочіе всегда должны полагаться только на **самихъ себя** и не надѣяться ни на какихъ благодѣтелей!

Пусть рабочіе объединятся и будутъ все дѣлать сообща, пусть они сложатъ свои маленькія отдѣльныя силы, и тогда образуется одна громадная сила, тогда рабочіе достигнутъ сокращенія рабочаго дня и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчатъ и внесутъ свѣтъ въ свою тяжелую трудовую жизнь.

Объединеніе, союзъ, борьба за короткій день — есть первое и главное средство для улучшенія жизни рабочихъ!!!

До обѣда		После обѣда	
часы	число случаевъ	часы	число случаевъ
6- 7	436	12-1	587
7- 8	794	1-2	745
8- 9	815	2-3	1037
9-10	1069	3-4	1243
10-11	1598	4-5	1178
11-12	1590	5-6	1306
		6-7	979

